

Крымская (Восточная) война была развязана против России союзом Англии и Франции, при активной поддержке банкирского дома Ротшильдов. Тайный сговор оказался возможен благодаря временному миру между этими странами. Только за период с XII по XVII в. между Англией и Францией возникло 18 войн, общей продолжительностью 215 лет. В XVIII в. 5 войн длились 29 лет. Следовательно, союзничество Англии и Франции в 1853 – 1856 гг. было скорее исключением из общего правила.

Правительство лорда Пальмерстона страстно желало нанести урон России, вступившей в фазу экономического подъема, тогда как сама Англия переживала финансовый и сельскохозяйственный кризисы. Обострилось экономическое соперничество. Например, русский антрацит, добываемый в коях Восточного Донбасса (район нынешнего г. Шахты), начал вытеснять менее качественный английский с рынков Средиземноморья. Английские диверсанты и пропагандисты на Кавказе при поддержке парламента и правительства Англии мечтали исторгнуть этот регион из сферы влияния России, создав «великую Черкессию» под британским протекторатом. Тем самым англичане намеревались закрыть западный фланг своей Индийской колонии. Но Кавказ сулил им еще и большие перспективы в деле разработки ценнейших месторождений угля, нефти, серебра, золота, драгоценных камней. Англичане предполагали, что с помощью французских и турецких войск, отрядов горцев смогут выйти на Северный Кавказ и отсечь от России всю Кубань и Ставрополье. В Крыму же лорд Пальмерстон и агент Уркварт, ставший в 1853 г. парламентарием, планировали возродить Крымское ханство, с помощью которого можно было бы контролировать Новороссию и западные губернии России.

В свою очередь французский император Наполеон III жаждал отомстить Николаю I за нежелание признать за ним династические права на цифру «III» в титуле, а России – за разгром Первой французской империи.

Статья подготовлена на основе материалов публикаций русских газет и журналов «Одесский вестник», «Северная пчела», «Вестник Европы», «Морской сборник», «Москвитянин», внимательно отслеживавших события Восточной (Крымской) войны. На своих страницах они не только анализировали информацию с театра военных действий, но и появлявшуюся в европейских газетах. Наиболее интересные статьи зарубежных авторов практически ежедневно публиковала петербургская газета «Северная пчела». Поскольку редакция газеты сохраняла авторство европейских изданий, в помещенном ниже тексте в соответствующих цитатах приводятся их наименования. Это позволяет ныне судить как о канве событий, так и о политических настроениях разных общественных групп, партий и стран.

ИЗВОРОТЛИВОСТЬ И ПОДЛОСТЬ ПОЛИТИКИ АНГЛИИ ПОДМЕТИЛИ ДАВНО

По крайней мере со времен цариц Елизаветы Петровны и Екатерины II Англия старалась «загрести жар» чужими руками. В частности, англичане предпочитали платить властям разных стран за предоставление войск, чем самим воевать на континенте. Известны случаи, когда за привлечение российских войск Англия готова была заплатить в разных обстоятельствах от 40 до 700 тыс. фунтов стерлингов, а за австрийские войска поменьше – 15 – 20 ф. ст.

Из газетных публикаций начала XIX в. известно, что Наполеон неоднократно пытался достичь мирного договора с Англией. В апреле 1805 г. Наполеон писал Георгу III: «Господин мой братец! Будучи возван на престол Франции Провидением, волею народа и войска, самое первое чувство ощущаю – желание мира». Однако Георг III повелел лорду Гренвиллю ответить, что он не находит никакой надобности отступать от форм, употребляемых при сношениях с чужестранными государствами. Этот резкий официальный ответ разрушил все надежды Наполеона на мирное сосуществование Англии и Франции. То есть Георг III одернул самозванца Наполеона I точно так же, как Николай I поставил на место другого самозванца, Наполеона III, своим обращением «mon cherami» вместо ожидаемого французом «Monsieurmonfrère». Но ни Георг III, ни Николай I не знали, к каким трагическим последствиям это приведет. Наполеон I стал изобретать такие ходы, которые заставили Британию напрячь все свои силы. Но и французы не знали всех возможностей пропагандистской и военной машин Британии, в конечном счете взявших верх над Францией.

Лицемерие англичан и коварная политика английских властей осмеивались во французских памфлетах времен Наполеона I. В 1805 г. русская газета «Вестник Европы» перепечатала «Сокращенный катехизис английской политики», опубликованный в одном из парижских журналов. В нем суть английских «вывертов» правительства и парламента концентрированно изложена в совокупности вопросов и ответов: «Что есть английская политика? Политика есть практическое знание всего противного чести и справедливости. В чем особливо состоит она? В злоупотреблении мира и войны. Что мы [Британия] делаем в мирное время? Обманываем наших соседей. Что есть трактат или договор? Вещь, о которой мы, британцы, менее всего заботимся. Что называется границами? То, о чем мы знать не хотим. Что значит слово друзья? То, чего мы, британцы, никогда иметь не будем. Когда мы получаем добычи, самые богатые? В мирное время, потому что в военное время это нам не так легко удастся. Чем мы удовлетворяем нейтральные корабли, ошибкою поступив с ними

неприятельски? Взыскиваем с них деньги за порох и ядра, употребленные на выстрелы. Чего должны остерегаться британские офицеры, начальствующие над эскадрами? Вступать в сражение, когда не имеют флота, по крайней мере вдвое более неприятельского. Для чего открыли мы неприятельские действия, прежде чем объявили войну? Для того чтобы не стали удивляться нам, если будем продолжать войну после заключения мира».

Предложенный французами «катехизис» носил иронический характер, но это не меняло существо английской политики. Разве не лгали парламент и правительство, объявляя народам Европы, что Россия угрожает их свободе и государственности? Следовательно, Британия в мирное время обманывала своих соседей по континенту, злоупотребляя своей силой во имя корыстных интересов. Только в XIX в. Британия не раз демонстрировала пренебрежение к любым трактатам и государственным границам разных стран. Например, именно Англия открыла военные действия против Дании, фактически захватив перед Восточной войной наиболее крупные ее корабли. Кроме того, именно английское правительство навязало Дании грабительскую пошлину за проход торговых судов в Балтийское море через пролив Зунд. Однако когда Дания запросила ее помощи в противодействии притязаниям США на отмену пошлины, англичане заявили, что это не их дело.

Когда Британия получила самую богатую добычу? Да в мирное время, развязав против императорского Китая первую «опиумную» войну в 1840 – 1842 гг. В результате поражения империя Цин выплатила Британии контрибуцию в размере свыше 15 млн ляннов серебра (по тогдашнему курсу 21 млн долларов, а в пересчете на современный курс свыше 20 млрд долларов!). Контрибуция в первую очередь включала стоимость уничтоженных китайцами огромных объемов бенгальского опиума, доставляемого на склады Ост-Индской компании в Китае. Именно эти средства, полученные пиратским способом, были использованы для технического и технологического прорыва Англии. Многие наши соотечественники, восхищающиеся достижениями Англии, вряд ли знают на каком кровавом фундаменте они зиждятся.

В первой декаде сентября 1855 г., когда сражение за Севастополь подходило к завершению, брюссельский журнал *Sancho* опубликовал злобное пророчество. Оно было основано на анализе противоречий англичан и французов в Крыму, ставших достоянием общественности Европы, политических кульбитов во время посещения Наполеоном III Лондона, а королевой Викторией Парижа. Журнал писал: «Итак, англичане и французы объявили свой союз вечным. Англия поклялась отречься от своей гордости, от своих измен, от своей алчности; Франция дала клятву придать более важности своей политике и жертвовать своими сокровищами и своей кровью для обманчивого призрака военной славы. «Обещаю вам забыть Ватерлоо, – сказала Англия Франции, – и, если вам угодно, готовы выкинуть прах Нельсона и Веллингтона из их могил в Вестминстере»... Но дайте срок войти Восточной войне в новый крут, который обратит Англию и Францию к их истинным выгодам: повремените, пока не спадет личина политики, пока не будет смыт искариотский поцелуй, которым Англия замарала щеку Франции. Тогда вы увидите, с какими оглушительными рукоплесканиями примет Париж весть о войне с Англией, которая, на этот раз расплатится в один день за сто лет измен и коварств и за четырнадцать месяцев низостей, расточаемых отвратительным образом пред Людовиком – Наполеоном».

С ВИДУ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, НО ПО СУТИ – ЛЖЕЦЫ И ЛИЦЕМЕРЫ

27 марта (8 апреля) 1854 г. английский паровой корвет «Фюри» приблизился к Одесской гавани. Когда с берега были произведены два предупредительных холостых пушечных выстрела, фрегат остановился, но не бросил якорь. Спустили на воду шлюпку под переговорным флагом и, подойдя к берегу, английский парламентар спросил: «Находится ли еще в городе британский консул?» Этот вопрос был хитрым, поскольку еще в начале марта суда неприятеля обошли все русские порты Черного моря и передали комендантам крепостей и градоначальникам объявление командующих союзными эскадрами об их

блокаде. Это означало, что России была объявлена война по отношению ко всем прибрежным городам. В подобных условиях консул неприятельской стороны не мог оставаться на территории страны, подвергшейся агрессии.

Получив очевидный ответ, лодка с парламентарями отправилась обратно, отойдя от берега не менее чем на 500 – 700 сажень. Корвет, не дожидаясь лодки, стал приближаться к молу. Офицер, командующий ближайшей батареей, исполняя приказание «не допускать неприятельских пароходов на расстояние пушечного выстрела», подал английскому кораблю знак остановиться. Поскольку англичане не исполнили требования, пушка выстрелила ядром в их корабль. Переговорная шлюпка была не только вне траектории выстрела, но даже намного дальше сектора обстрела. Получив последнее предупреждение, «Фюри» быстро удалился.

9 апреля 1854 года в 15.00 один из неприятельских пароходов, выслав шлюпку с парламентарем, передал письмо на английском и французском языках барону Остен-Сакену:

«Перед Одессою, 21 апреля (н. ст.) 1854 г.

Господин губернатор,

Так как письмо Вашего Превосходительства от 14 апреля, полученное нами только сегодня утром, содержит лишь ложные показания в оправдание неслыханного (*ingualifiable*) покушения одесских властей против одного из наших фрегатов и его гребного судна, которые оба были под переговорным флагом... не смотря на этот флаг, с батареей города брошено несколько ядер на фрегат и на судно его в ту минуту, когда последнее удалилось от мола, куда оно доверчиво приблизилось. [Следует уточнить, что в 1852 и 1853 гг. отмечено было несколько случаев, когда военные корабли Франции и Англии, входя в порт, старались как можно ближе (по их терминологии, «доверчиво») подойти к военной гавани Одессы. При этом офицеры с бортов вели интенсивную зарядку причалов, защитных сооружений и др.].

А потому оба вице-адмирала, начальствующие над соединенными эскадрами Англии и Франции, почитают себя вправе требовать удовлетворения от Вашего Превосходительства.

Если до солнечного заката вице-адмиралы не получают ответа или получают лишь ответ отрицательный, то они будут принуждены прибегнуть к силе для отмщения за оскорбление, нанесенное флагу одной из соединенных эскадр; хотя человеколюбие и побуждает их принять лишь с сожалением это последнее решение, ответственность за которое падает не на них.

Примите и проч.

Вице-адмиралы, начальствующие над соединенными эскадрами Англии и Франции.

Подпись: Гамелен, Дондас».

Остен-Сакен не считал возможным отвечать на эти дерзкие и лживые послания, поскольку ясно было, что неприятелю нужен повод для открытия боевых действий и его предоставил винтовой корвет «Фюри». 10 апреля соединенная англо-французская эскадра из 14 линейных кораблей, 10 пароходно-фрегатов и нескольких транспортов подошла к Одессе. Почти 400 орудий обрушились на побережье города-порта, имевшего статус «порто-франко» (свободного порта).

Английские и французские адмиралы послали своим правительствам и в газеты победные репортажи. Но в «Одесском вестнике» не оставили камня на камне от пафосного отчета адмиралов. Газета, опровергая лживые утверждения вице-адмирала Гамелена, написала: «[Сведения о нанесении вреда Одессе без особенного ущерба]... имели бы логический смысл только тогда, когда бы одесские батареи не нанесли ни малейшего вреда неприятельским судам. Но на деле было вовсе не то. По какой причине, спросим мы, 10 (22) апреля три фрегата, а на другой день корвет «Фюри» уведены были на буксире за выстрелы батарей? Когда должно после боя выводить пароходные фрегаты на буксире? Можно полагать, что в этом несколько виновны батареи противной [то есть русской] стороны. Господа адмиралы уверяют, что они совершенно достигли своей цели наказанием военных начальств Одессы. Но требования их состояли в том, чтобы им тотчас же были выданы все английские, французские и русские торговые суда, находящиеся в Одессе. После же бомбардировки Одессы, с рассвета до вечера, они оставили одесский рейд, не

получив требуемых ими судов. Когда требование было произнесено так грозно, когда для исполнения прибегли к силе и потом уходят, не получив желаемого, то мы не иначе умеем назвать это как неудачей».

Неприятельские корабли к Одессе больше не подходили, поскольку в Европе стало известно об уничтожении англо-французами кораблей и имущества Австрии, Германии и ряда других стран. Наглая ложь адмиралов вышла им боком – их авторитет был «подмочен». Гамелена отставили от должности, а Дондаса перевели на Балтику, вместо не оправдавшего надежд адмирала Непира. От русских пушек пострадали и экипажи, десятки матросов были убиты и ранены. Погибли и высокопоставленные английские офицеры.

В июне 1855 г. небольшой отряд русских войск захватил в плен несколько англичан, высадившихся на берегу у крепости Гангут (северное побережье Балтики). Этот инцидент вызвал раздражение командующего морскими силами Британии на Балтийском море, контр-адмирала Дондаса. Он направил в адрес командующего русскими войсками в Гельсингфорсе генерал-адъютанту Бергу письмо. В нем говорилось: «... офицеры и экипаж шлюпки с английского корабля «Казак» приблизились к берегу у Гангута для передачи русских подданных, захваченных на купеческих кораблях. Шлюпка подходила к берегу под «переговорным флагом». Вместо того чтобы мирно отнестись к парламентарам, три английских офицера и 13 матросов «были жестоко умерщвлены» русскими...»

Обращая внимание на эти события, надеюсь, что я не тщетно взываю к вашей чести офицера доставить мне объяснения, какие вы сочтете приличными при настоящих обстоятельствах, и я считаю за счастье воспользоваться настоящим случаем, чтобы дать вам средство защитить достоинство знамени, под которым вы служите. Имею честь быть Р. С. Дондас».

Генерал-адъютант Берг ответил: «Господин адмирал, я должен вам заметить с сожалением, что корабли английского флота практически всегда поднимают русский флаг, чтобы удобнее успевать в захвате

встречаемых ими купеческих судов. Газеты уже достаточно известили, каким образом, с самого начала войны, англичане на всех морях употребляли во зло переговорный флаг в целях производства промеров глубин у русских берегов и военных разведок. Дух враждебности против беззащитных городов и хижин, обитаемых мирными жителями, уже слишком подтвердился во всех происшествиях, бывших на Балтийском море. Например, 14 (26) мая катер неизвестно с какого английского корабля подошел к деревне Тверминне под небольшим белым флагом. Не встретив войск, экипаж катера безнаказанно зажег несколько изб и несколько судов, не взирая на свой белый флаг. 24 мая (5 июня) другой катер, отъехавший от корвета «Казак», направился на парусах к берегу Ганге. На корме этой лодки был английский флаг. Офицер, на ней начальствовавший, утверждает, что он выставил на носу, на палке, небольшой белый флаг. Телеграфная станция и военный пост, находившиеся на берегу, не заметили никакого белого флага. После этого очень естественно, что отряд наш напал на катер и его экипаж, лишь только он ступил на берег...

Корвет «Казак» должен был знать, что парламентер не может и не должен быть принят на любом месте..., где ему угодно было бы выйти. Мои передовые посты считают и будут считать в будущем подобные «причаливания» военными разведками, употребляющими такие предлоги с целью скрыть предпринимаемую рекогносцировку и фуражировку. Неприязненное и нисколько не парламентское значение этой посылки лодки также доказывается: 1. Взятым заряженным оружием. Три ружья по своим разбитым пистонам свидетельствуют, что экипаж лодки употреблял их в этой стычке. 2. Заботливость о снабжении катера 360 патронами и ящиком с зажигательными снарядами, предназначенными для уничтожения телеграфной станции.

Экипаж с катера лейтенанта Дженеста был жертвой своей хитрости. Семеро убиты, четверо из ваших ранены, остальные взяты в плен... Вся ответственность за это происшествие лежит на [английской стороне]... «Казак» не должен был уклоняться от международного правила. Выставляя большой бе-

лый флаг, настоящие парламентареры останавливаются вне дальности пушечного выстрела и ожидают, что им выйдут навстречу... Мы никогда не будем принимать [парламентареров] иным образом. «Казак» ничего подобного не сделал. Мне кажется, что честь Вашего флага требует самого точного и совестливого соблюдения правил, установленных на подобные случаи. Честь Российского знамени никогда не позволит мне удаляться от оных. Берг, генерал-адъютант ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО».

Но дело на этом не закончилось. Адмирал Дондас продолжал утверждать, что русская сторона нарушила общепринятые правила и зверски уничтожила британских матросов. С этим утверждением он обратился уже к военному министру России князю Долгорукому. Но военный министр не пошел на поводу хитрого и лживого англичанина. Тогда Дондас возбудил дело в английском парламенте, который хоть и выразил осуждение России, но никаких реальных действий осуществить не мог, поскольку и без того кровь лилась на всех театрах военных действий. В этом эпизоде английский адмирал не столько хотел оправдать действия своих подчиненных, сколько «сохранить лицо» любой ценой. Он не мог даже представить, что суждения представителя передовой демократической нации могут подвергать сомнению какие-то туземцы, к которым он, несомненно, относил и русских. Это характернейшая черта англичан, по крайней мере в XIX в. Когда в 1854 г. они потерпели сокрушительное поражение от горстки русских защитников Камчатки, как заметила шанхайская газета: «Они стали злы на весь мир». Такая же история повторилась и в 1855 г. Входя в Балтику со множеством специально построенных бомбард, английские военные пренебрежительно смотрели на датских, шведских офицеров, видевших их новейшие «средства разгрома» русских крепостей. Через две недели оказалось, что и крепость Свеаборг не разрушили, и их знаменитые мортиры полопались. Английская самоуверенность и гордость испарились в один миг. Но злоба на мир укрепилась.

Редакция газеты «Северная пчела» отмечала: «Английский флот... принял правило, что всякое

средство хорошо для достижения предположенной цели и на это указывает случай, относящийся к захвату Керчи. Один из английских крейсеров в конце мая 1855 г. захватил русское судно, на котором находилась карета керченского губернатора [или градоначальника]. Командир английского корабля отправил губернатору письмо, в котором в вежливых выражениях объяснил, что готов возвратить карету. Это предложение было принято и шлюпка крейсера с каретой вошла в Керченскую бухту, производя промеры на своем пути. Так англичане установили, что можно довольно близко подходить к берегу». Редакция «Северной пчелы» констатировала: «Таким образом карета губернатора провела колею для английского флота».

Приведенные данные о событиях 164 летней давности позволяют провести параллели с современностью. Во-первых, для англосаксов международное право никогда не являлось препятствием при достижении любых политических, а тем более военных целей. Все отсылки к справедливости, свободе, демократии в подавляющем большинстве случаев применяются лишь для маскировки подлых деяний. В этой череде лжи – провокация с отравлением бывшего полковника Скрипаля и его дочери в марте и бомбардировка сирийской территории в апреле 2018 г.

Второй вывод: русские богатеи в прошлом и сейчас редко отказывались и отказываются от «персональных карет», если приходится выбирать между «шкурным» и государственным интересами. И этот вывод для нас является важнейшим.

ВРАНЬЕ И ПОДЛОСТЬ НА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ УРОВНЕ

В конце января 1855 г., когда холода, снега и морозы в Крыму привели к жутким потерям агрессоров, в головах европейцев смрад лжи, навешанный английским кабинетом, постепенно стал рассеиваться. Уже прошли парламентские слушания, на которых палата общин допрашивала адмирала Ч. Непира – почему гигантский флот Британии, посланный в Балтийское море, не только не захватил Кронштадт, не говоря

уже о Санкт-Петербурге, но сам понес ощутимые потери и причинил стране громадный финансовый урон. А всего за полгода до захода англо-французской эскадры в Балтийское море газеты стран-агрессоров живо обсуждали, каким образом лучше захватить Кронштадт. «Парижские пикейные жилеты» соревновались в рекомендациях, где и какие отдели расположены, как лучше подойти и обстрелять важнейшие форты, как высадить десант в устье Невы и что будет делать царская семья в этой обстановке. Но дело закончилось пшиком.

19 января 1855 г. английские офицеры в Крыму просили журналиста Times: «Передайте издателю вашей газеты, что по доставке в Балаклаву номера газеты от 23 декабря, ставшего знаменитым, мы пили за его здоровье и за мужество, с каким он осмелился обнаружить ужасное бедствие нашего положения. Ныне исключены из списков армии два полка, недавно имевшие еще во фронте каждый по тысяче человек, а теперь в одном 28, а в другом 26 человек... Но всего ужаснее и тягостнее сознаться в побегах солдат к неприятелю [то есть к русским], уже не отдельно, а целыми толпами; ни ласкою, ни строгостью нельзя удержать их». В начале февраля 1855 г. Times осмелилась напечатать другой пассаж: «...английская армия не составляет уже армии: из пятидесяти двух или пятидесяти четырех тысяч человек, отправленных Англией на Восток, остаются теперь не более двенадцати или четырнадцати, да и те не в состоянии быть под ружьем. К последним должно причислить десять тысяч больных и раненых, находящихся в Константинопольских госпиталях и до тысячи в Балаклавских. Прочие погребены в Варне (из-за эпидемии холеры), под Севастополем и в азиатском предместье Константинополя – г. Скутари». За эти вольности газету перестали покупать политики и буржуа, что повлияло на откровенность суждений корреспондентов Times.

Сведения о катастрофическом положении войск стран-агрессоров в Крыму и разгроме их эскадры на Камчатке начали менять общественные настроения в Европе. Наиболее отчетливо эта перемена заметна в публикациях бельгийского журнала Sancho. 23 января 1855 года в нем говорилось: «Каждый истекающий день обнаруживает новую ложь продолжитель-

ной и кровопролитной мистификации, называемой Восточной войной. Английские газеты и политики объявляли, что война кончится разом, а вот уже скоро полгода Англия и Франция «гостят» под стенами Севастополя. Говорили, что война будет иметь следствием упрочение европейского мира. Но ныне Запад готов превратиться в обширное поле битвы, на котором народы, досель дружественные между собой, будут резаться ради пользы англо-французского союза. Война им была предпринята будто бы для охранения Европы от завоевательных замыслов России, той России, которой Европа обязана, вместе с разгромом Первой французской империи, восстановлением всех своих государственных прав. Это был только предлог, но дерзкие притязания Англии и Франции уже не знают более пределов, и тот, кто не хочет становиться под их знамена и проливать кровь своих подданных для поддержки английской олигархии и французского самовластия, кто намерен соблюдать нейтралитет в сей богопротивной войне, тот подвергается угрозам, оскорблениям со стороны журналов коалиции...»

Необходимо пояснить столь резкие суждения бельгийского журнала. Зимой 1855 г. выяснилось, что Британия и Франция несут колоссальные людские и финансовые потери на разных фронтах, а также от русских морозов, эпидемий холеры и тифа. Английские политики предприняли попытку найти страны, готовые послать свои войска под Севастополь. Сардинское королевство согласилось послать сначала 25 тыс. чел. [но позже послали 15 тыс.], как написали журналисты, «для заполнения рвов севастопольских». Сардинцы (Пьемонт) заручились заверениями Франции в вооруженной поддержке их стремления объединить многочисленные мелкие итальянские королевства и княжества в единое государство. Но перед Бельгией подобные проблемы не стояли, и она категорически отказалась участвовать в этой авантюре. Завлечением Бельгии и Сардинии в англо-французский союз дело не закончилось. «Союзники» стали давить на Неаполитанское королевство и Тосканское герцогство. Но не удалось, а в дополнение к их неудаче Пруссия запретила проход через свою территорию французской «Восточно-Пограничной» армии, которую пытались перебросить к польскому участку

западной границы России. Цель понятна – оттянуть часть сил Русской армии на запад.

Далее бельгийский журнал «Sancho» писал: «Каждый день обличает новую ложь, новое криводушие тех держав, которые вооружились во имя мира, человечества и образованности (ныне бы сказали цивилизованности), а на самом деле нарушили мир, попрали ногами человечество, и ныне готовятся посягнуть на независимость и свободу народов Запада. Начинает ли наконец понимать Европа, что опасности, которыми угрожали ее независимости, происходили отнюдь не со стороны России, но от англо-французского союза?»

...Какие причины имели Пьемонт, Швейцария, Бельгия, Голландия бояться России? Нам любопытно видеть, как английские газеты станут отвечать на этот вопрос. Покамест нам известно, что война, долженствовавшая ограничиться Крымом, готова охватить Европу, что утешение англо-французского союза несравненно опаснее для народов, нежели перевес России, которым стращают глупцов. Англия, не имея людей, потеряв свою армию, растаявшую в Севастопольских траншеях, как снег на апрельском солнце, принужденная сознаться в своем жалком военном устройстве... думает оградить себя грудью народов, вовсе неприкосновенных к ее делу. «Карфагену» [то есть Лондону] приходится плохо, но у «Карфагена» есть золото и это золото он предлагает тому, кто согласится запечатлеть своею кровью его жестокое владычество. Оградясь своим положением на острове, «Новый Карфаген» смотрит на битву так же, как Нерон смотрел со своего возвышенного места на гладиаторов».

ПРЕТЕНЗИИ К РОССИИ, СОБИРАЮЩЕЙ НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Первого февраля 1855 года в российских газетах был опубликован Высочайший манифест Николая I, повелевшего приступить к формированию государственного ополчения. Обнародование указа о наборе в ополчение вызвало раздражение в редакциях газет и журналов, поддерживающих англо-фран-

дузский союз. Но был уже не 1854 г. и общественные настроения в Европе изменились. Некоторые газеты стали отстаивать точку зрения, противоположную англо-французской.

Немецкая газета «Нойепрейсишецайтунг» высказалась жестко: «Какой европейский монарх может похвалиться, что принес для достижения мира более пожертвований, нежели император Николай! Очень ошибаются, думая, что непобежденная Россия должна явиться безоружною в Вене, чтоб ей там просто предписали законы, какие угодны будут ее противникам. Россия уступила более, нежели надеялись. Но она, конечно, не уступит, если б захотели предписать ей такие условия, о каких в «Таймс» бредили прошедшею осенью. Она не заключит мира, если «честный мир», какого хочет лорд Пальмерстон, не будет основан на взаимности. Вот для чего возведено всеобщее ополчение в России. В то время, как неприятели ее всеми силами вооружаются, должна ли она, сложа руки, ожидать, чтобы вторглись в ее границы? Конечно нет!»

В конце февраля 1855 г. в редакционной статье «Франкфуртской газеты» были показаны противоречия поступков и заявлений агрессоров: «Кто со вниманием следил от начала нынешнего кризиса за политикой Запада и за ухищрениями газет, приверженных к сей политике, тот конечно заметил, что тактика противников России наиболее состоит в искажении событий для доказательства, что Россия хотела войны и начала ее; что более и более угрожает спокойствию Европы и отвергает всякую попытку к примирению. События, доказывающие противное, очевидны, но что им за дело! Изобретательный ум газетных партий никогда не затруднится истолковать их по-своему. Чтобы облегчить действия этой тактики, в отношении к России придумали совершенно особый способ перетолковывать политические события и намерения. Если она отказывается согласиться на унижительные условия мира, вопиют против ее властолюбия и духа преобладания; уступает ли она, принимает ли требуемые у нее ручательства именем мира и Европейского равновесия, сомневаются в ее искренности, что это одна хитрость, уловка, чтобы выиграть время или чтобы поссорить своих противников. [Разве все эти

приемы не напоминают политику современных властей США, Англии и многих других стран Европы?].

Возбуждая общественный дух всеми возможными средствами, вызывая все страсти, истощая все усилия и дипломатические хитрости, чтобы возмутить всю Европу против России, находят это весьма естественным, потому что это делается-де в пользу мира, человечества и цивилизации. Но если в свою очередь Россия для защиты своей взывает к преданности и патриотизму своих народов, «это с ее стороны есть покушение против независимости других держав». Против нее составляются коалиции, стратегические планы, на границах ее собираются более и более многочисленные войска, и когда Россия для очевидной цели своей защиты и самосохранения решается передвижением своих войск принять необходимые меры для отражения вторжения в ее пределы, ссылаются на это, чтобы доказать всему свету, что она начинает войну, и хочет нападать и вторгаться в чужие границы.

Таким же точным образом истолкуют, конечно, и исказят последний указ царя о выпуске кредитных билетов для покрытия военных издержек. Когда Австрия делает национальный заем в 1,3 млн франков, чтобы приготовиться к войне; когда Франция делает такой же заем для начатия второй кампании [Восточной войны в 1855 г.], собирая подписку на 2 млрд франков, предписывая новый армейский набор в 140 тыс. чел., все это находят весьма соответственным желанию достигнуть лестного и справедливого мира. Но когда Россия принуждена со своей стороны прибегнуть к чрезвычайным источникам, чтобы отразить угрожающее ей вторжение, это дело другое, это доказательство, что она не хочет мира искренно: такова логика нападающих!».

ГРАБЕЖИ И НАСИЛИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ «ОХРАНИТЕЛЕЙ СВОБОД»

12 – 13 мая (по н. ст.) 1855 г. англо-французско-турецкие части заняли Керчь и Еникале. Известия об этом событии в Европу дошли только в первых числах июня. Корреспондент Journalde Constantinople написал: «При занятии союзниками Керчи произо-

шло много беспорядков. Солдаты старались вознаградить себя за лишения под Севастополем, вторгались в дома, оставленные русскими, и обыскивали все, желая найти деньги... Я встретил одного французского стрелка, с трудом тащившего большое зеркало. С ним сошелся английский флотский офицер, который спросил его, куда он тащит такое огромное зеркало? После недолгих переговоров егерь продал за один рубль зеркало, стоившее 300 руб. серебром».

Этот эпизод отнюдь не характеризует нрав только нижних чинов английской армии. Английская газета «Daily News» в августе поместила сообщение, перепечатанное многими другими европейскими газетами. Французский командующий генерал Пелисье выставил требование командующему английскими войсками генералу Симпсону прекратить мародерство английских офицеров и солдат по отношению к мертвым на поле боя. «Они не брезгают ни содержимым бумажников, ни продажей содранной с них одежды и изъятых из ранцев вещей». Генерал Симпсон отдал приказ, в котором объявлялось обирание погибших и продажа их вещей бесчестными поступками». Генерал поручил военной полиции строго следить за военнослужащими. Но это не помогло, поскольку уже через несколько недель те же действия англичане повторили после битвы на Черной речке. Убитые были обобраны вплоть до рубах.

Из газет известно, что при грабеже русских поместий в окрестностях Балаклавы фельдмаршал Раглан не погнушался забрать у одного солдата изящный столик ручной работы для отправки своей жене в качестве подарка из России. Но как вел себя командующий, так вели себя и другие командиры. Капитан английского парохода, рейдировавшего вдоль берегов Балтики, приказывал захватывать на прибалтийских хуторах коров и лошадей, а потом с выгодой продавал их на острове Готланд. Ради развлечения англичане запускали конгревовые ракеты в прибалтийских женщин, работавших на прибрежных полях.

Корреспонденты газет были свидетелями, «...как в мае был истреблен Керченский музей, содержащий коллекцию древностей: вазы, картины, оружие. Все похищенное перенесли на английский пароход, отправлявшийся в Константинополь». В основатель-

ном исследовании историка Н. Дубровина «Восточная война» помещены гораздо более шокирующие сведения о нравах европейских союзников: «К сожалению, офицеры союзных войск служили во многом примером для своих солдат, и в особенности англичане. Очевидцы рассказывают, что у английских офицеров были повешены через плечо парусинные сумы, в которых помещались стамески, разной величины отвертки и молоток. Многие комоды городских жителей пострадали от ловкого обращения с ними английских офицеров. Один из керченских жителей свидетельствовал: «Я видел английских офицеров, которые не стыдились собственными руками таскать разного рода мебель, алебастровые фигуры и все что попадалось под руку. Турецкие и татарские мародеры и некоторые европейские солдаты ворвались в церковь, унесли облачения, серебряное кадило, дискос и даже медные кресты». Подобные же безобразия происходили в Евпатории, Ялте, Бердянске.

Сведения о грабежах европейских солдат в российских городах вызвали возмущение общественности Европы. Бельгийский журнал Sancho написал: «Не осталось более ни одного слова от программы, возвещенной Францией и Англией при начале Крымской войны. Громкие слова, служившие прикрытием мелочных или гнусных страстей, пали, как личины. Любовь к цивилизации и заботливость о свободе запада обнаруживалась страшным и бесполезным кровопролитием, а грабежи с оружием в руках, ежедневно повторяющиеся в Балтийском и Черном морях над купеческими судами, раскрыли тайную цель Англии... Англия ведет войну по милости неумолимого соперничества завистливых лавочников, а Франция продолжает драться только из «любви к искусству». Таким образом война во имя цивилизации предположила себе задачей разорения, грабеж, истребление огнем безоружных местностей, каковы, например, прилегающие к Азовскому морю. И эта война дикарей, эти кровавые ужасы восхваляются в журнальных бюллетенях!»

«Новая прусская газета», обобщив сведения о поведении англо-французских флотов и войск, написала: «Простые английские матросы – сущие животные. Даже офицеры не образованны. Один трак-

тирщик у пристани в датском городке вывесил флаги обеих западных держав и датский. Последний оказался выше английского и французского. Увидевший это английский офицер немедленно сорвал датский флаг и сказал: «Английский флаг первый в свете – и таким останется».

В одном из последних заседаний парламента лорд Пальмерстон, сняв с себя, наконец, личину Карфагенской политики, признался, что Франция и Пьемонт проливают кровь своих воинов и расточают деньги своих подданных для обеспечения за Англией монополий бристольского ширтинга и манчестерских миткалей [разновидности шерстяной и хлопчатобумажной тканей].

«Аугсбургская газета» (Бавария) так прокомментировала подобные сообщения: «Способ войны, ведомый английским флотом против России, как в Черном, так и в Балтийском морях требует, чтобы общественное мнение всех просвещенных народов явно восстало против подобных подвигов, не достойных XIX в. и Европы и столько же унижающих предписавших сии подвиги [то есть английский парламент], как и исполнителей. Из всех европейских армий одна английская присвоила себе право на участие «в призах» [то есть на захват чужой собственности]. Английский флот нападает на беззащитные города, истребляет или расхищает частную собственность мирных купцов, достояние вдовы и сироты, чтобы продать добычу в Англии... Флибустьеры были разбойники, состояли вне закона, но не прикрывали своих действий, а являлись в истинном своем виде. Но уменьшается ли преступление, когда его облачают печатью законности? Может ли Англия по своему произволу «чеканить» законы чести, как свою золотую монету, и измерять долг человечества по получаемым от него выгодам? Английские газеты, самые свободные в свете, могли бы одним ударом прекратить все эти гнусности, чтобы охранить от стыда флаг Англии; вместо того, всякий раз, когда приобретают барыш в несколько тысяч фунтов стерлингов, в них провозглашают об этом с восторгом, ибо в Англии все преклоняется пред могуществом денег. Хитрая Англия всячески скрывает способ своих действий, говоря, что именно она щадит частную

собственность, а захватывает и истребляет только военные припасы. Но кто этому поверит?

«ЦИВИЛИЗАТОРЫ» КОГО УГОДНО ВЫВЕДУТ ИЗ СЕБЯ

Введя в 1854 г. в Балтийское море огромную эскадру, англо-французы были убеждены, что им удастся возмутить против российских властей проживавших тогда в составе Российской империи финнов, шведов, эстонцев, латышей. Однако не хватило ни воспитания, ни умеренности во взглядах, ни уважения к местным народам. Уже спустя месяц англичане, несколько в меньшей мере французы, стали нападать на любые частные шхуны, используемые местными народами в торговых операциях. Например, в апреле 1855 г. англичане захватили шхуну эстонцев, перевозившую из Швеции на родину соль, хлеб и некоторые другие товары. Украв весь груз и раздев моряков вплоть до белья, они сожгли шхуну, а экипаж высадили на небольшой островок. Бедняги маялись там несколько дней, пока им не подоспела русская помощь.

Все это делалось под видом пресечения так называемой военной контрабанды. На самом деле это был откровенный грабеж, корсарство. В международном праве тогда под военной контрабандой понималась ситуация, при которой граждане какой-либо нейтральной страны доставляют пищевые или боевые припасы одной из воюющих держав. К подобному ни финны, ни эстонцы, ни другие народы на побережье Балтики не могли быть причастны. Вслед за захватом судов англичане стали нападать на мызы, поселки, забирая птицу, скотину и съестные припасы без всяких попыток договориться с хозяевами, а тем более оплатить «потраву». Еще большее раздражение у местных жителей вызвали попытки использовать в подобном «обмене» фальшивые российские казначейские билеты. То есть Наполеон III прибег к уже испытанному Бонапартом печатанью фальшивых денежных купюр. Результатом таких «расплат» было резкое отторжение местным населением как англичан, так и французов, возрастание частоты сознательной помощи русской армии и флоту.

В феврале 1855 г. купец Трюгг из города Або (Финляндия) пожертвовал армии 150 новых пик, каждая из которых стоила 150 руб. серебром, для оснащения казачьих разъездов. Купец Бернстед из этого же города и поручик Юлик отдали для размещения батарей на острове Румеало свои прекрасные мызы (хутора), а в домах разрешили разместить войска. Бьернеборгский купец Ольденбург устроил и содержал за свой счет телеграфную линию от острова Ревсе до города Бьернеборг, протяженностью 35 верст. Кроме того, в своем доме он разместил целую роту солдат. Купцы Кирстрем и Селин безвозмездно передали флоту свой пароход «Совинто», а Кирстрем еще 2 свои шхуны для российской гребной флотилии. Финские врачи безвозмездно лечили наших раненых.

Еще поразительнее изменение настроений турецкого населения. Уже через несколько месяцев после высадки союзных подразделений и служб Константинополя отмечались случаи нападения и убийств английских и французских военнослужащих, поджоги складов. Пресекли эти действия европейские полицейские части, введенные в Константинополь, а также выставяемые батальонами и ротами посты.

К концу лета 1855 г. среди турок ходила по рукам рукописная элегия, в которой неизвестный автор жаловался на измену союзников и взывал к султану помириться с Россией, а англо-французов выслать из Турции. Победы русских на азиатском фронте народ ничуть не смущали. Ребятишки пели по улицам жалобные песни и осыпали бранью европейцев. Репортер газеты Nord заключал: «Нет сомнения, что без присутствия множества войск, в Константинополе давно бы вспыхнуло антиевропейское восстание». Но и верхи плохо ладили с союзниками. В первых числах сентября турки поссорились с англичанами «за гаремные дела». Визирь постарался замять эту историю, так как она вооружила бы всю Англию против турок, которые вздумали мстить за свою честь.

Англичане в конце августа распространили слух, что они истребили при сражении на Черной реке всю Русскую армию. Но турки не поверили ни одному слову, а стали хладнокровно считать корабли, приходящие с ранеными из Крыма. Большое коли-

чество раненых англичан и французов достоверно свидетельствовало, кто на самом деле побежден, а кто нет. В середине августа 1855 г. в Керчи французский солдат во время ссоры убил турка. Османский паша и полковник турецкой армии обрушили на командиров небольшого французского гарнизона ругательства. Они обвинили Францию, вооружившую Османскую империю против России, а с ними поступают дурно. Турецкие офицеры были убеждены, что османы непременно соединятся с русским против французов.

Приведенные выдержки из некоторых европейских газет, редакторы которых не были вовлечены в антироссийскую истерию, наглядно показывают, что за прошедшие 1,5 века ничего не изменилось во взглядах и политических приемах англосаксов и народов, государства которых были типично колониальными империями. Чтобы в этом убедиться, достаточно любую ситуацию, описанную европейскими газетами позапрошлого века, соотнести с современными событиями между Россией и западными псевдопартнерами. ■